

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХОЛОДНОМ И ТЕПЛОМ СЕЗОНАХ В МИФОЛОГИИ МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ И РОЛЬ АСТРАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ КАЛЕНДАРНОЙ СИСТЕМЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016
«Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Рассматривается значение созвездия Плеяд в календарной системе тюрко-монгольских народов. На основе корпуса мифов анализируется адаптация календаря 12-летнего животного цикла на северной периферии тюрко-монгольского мира и место в нем созвездия Плеяд как особенности локального варианта этого календаря. Представляют интерес проблема развития календарной системы с выделением двух сезонов – теплого и холодного, и ее отражение в мифологии тюрко-монгольского мира. Предложены ориентировочные время и пути распространения мифологических сюжетов в Центральную и Внутреннюю Азию.

Ключевые слова: монгольские народы; астрономические знания; мифы; календарная система; лексика; древние миграции.

Работа посвящается исследованию значения одного из самых известных астрономических объектов ночного неба – звездного скопления М 45 – Плеяды в системе жизнеобеспечения монгольских и шире – тюрко-монгольских народов. Актуальность и новизна исследования обусловлены отсутствием специальных исследований традиционных астрономических знаний монгольских народов в целом и особым статусом созвездия Плеяд в палеолитической астрономии, с которыми связаны самые ранние представления людей о времени. Ночной небосвод с глубокой древности занимал воображение людей, определял ход жизни и хозяйственной деятельности древнего человека. Изображения трех созвездий, в числе которых, по предположению ученых, присутствуют и Плеяды, обнаружены в 1940 г. в наскальных рисунках пещеры Ласко и Эль-Кастильо. Возраст изображений в 1998 г. был датирован временем 18,6 тыс. лет [1. Р. 319–323], а сами они соотносятся с солнотрейской культурой.

Сегодня исследователи склоняются к мнению, что образные названия небесных светил, астрономических объектов и явлений появились уже в палеолите. К такому выводу последовательно пришли Б.А. Фролов, Ю.Е. Березкин, исследовавшие образ одного из известных звездных объектов ночного неба – Плеяд – в мифологии народов мира. При этом развитие астральной мифологии, одновременно с развитием представлений о самих созвездиях, происходило по мере расселения людей по земному шару. Из всех астральных объектов на африканском континенте ранее 60 000 лет назад были выделены Плеяды [2] в силу того, что они представляют собой не отдельные звезды, а определенный космический объект – шаровое скопление.

Звездное скопление Плеяд было хорошо известно народам Центральной и Внутренней Азии. Этнографические материалы этого обширного региона показывают актуальность лунно-плеядного календаря для разных культур с доминирующей скотоводческой традицией, смешанного скотоводческо-промыслового и скотоводческо-земледельческого типа.

Актуальность исследования образа Плеяд, их функций в культуре народов тюрко-монгольского мира обусловлена необходимостью решения ряда за-

дач, одна из которых связана с формированием локальных вариантов 12-летнего животного календаря, другая – с изучением мифологического пласта знаний, связанного с Плеядами. Результаты исследований этих проблем, в свою очередь, будут способствовать лучшему пониманию этнических процессов в регионе исследования, древних и средневековых миграций населения.

Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. Основным инструментом исследования стал корпус материалов мифологии и фольклора тюрко-монгольских народов, отражающий представления кочевников о звездном скоплении Плеяды. Для анализа использовались устойчивые единицы фольклорных текстов – мотивы о появлении холодного и теплого сезонов года с участием домашних животных.

Опыт исследователей мифологии и фольклора, использующих этот материал как инструмент для реконструкции, в частности путей древних миграций и направлений культурных контактов, определяют наиболее активную фазу в трансляции фольклорных форм в эпоху развития мир-системных связей, соединивших сложные общества в Евразии к середине I тыс. до н.э. Ю.Е. Березкин полагает, что преимущество должны были получать такие фольклорные формы, которые были предельно свободны от культурной и природной специфики, легки для запоминания и пригодны для воспроизведения в разнотранскультурной среде [2. С. 168]. Обращение к мир-системному подходу представляется продуктивным и для предпринимаемого нами исследования. Этот подход позволит определить мотивы, сопутствующие древним миграциям населения, и мотивы, распространившиеся позднее, в условиях мир-системных связей.

1. *Название звездного скопления Плеяд М 45 в тюрко-монгольских языках.* Название созвездия в монгольских языках репрезентируется через ряд терминов: *мичин, мичид, мечин, мушэн, мэшэн, зурган мэшэд, хэртиг*. В диалектных вариантах бурятского языка название Плеяд представлено как *Суг мушэн* «Плеяды» (агинский диалект бурятского языка), *мэишэн / мэшэд* «созвездие Плеяд» (окинско-зака-

менские диалекты бурятского языка). В бурятском языке слово *мушэн* активно употребляется в значении «звезда» наряду с более распространенным термином *одон* («звезда») [3. С. 30]. Проследив эволюцию данного термина, Д.Д. Дондокова приходит к выводу, что первоначальное значение слова *мушэн* было «созвездие Плеяд». В дальнейшем это значение постепенно трансформировалось в бурятском языке в более обобщенное значение «звезда».

Аналогичное развитие ожидало и тюркское слово *ürker*. В тюркских языках созвездие Плеяд *ürker* известно в разных вариантах: *ülkär, üger, hürkör* и др. Но во всех языках сохраняется древнее значение этого слова «созвездие Плеяды». В дальнейшем в ряде языков происходит перенесение этого названия и на некоторые другие светила по сходству как созвездий, так и отдельных звезд (в якутском и тувинском языках – «Большая медведица» и «Малая Медведица») либо используется для общего названия звезды [4. С. 349].

2. *Двенадцатилетний животный календарь и его адаптация в среде тюрко-монгольского мира.* Происхождение двенадцатилетнего животного календаря, широко распространенного в Азии, представляет проблему, решение которой все еще не найдено. Однако изучение этого вопроса не входит в задачи нашего исследования. Данный тип календаря представляет для нас интерес с точки зрения развития его локальных вариантов, в частности календаря северной периферии тюрко-монгольского мира. В число уникальных вариантов двенадцатилетнего животного календаря входят календари бурят и тюрков Южной Сибири – тувинцев, алтайцев, хакасов. Главным отличием этих календарей является наличие в нем года Плеяд вместо года обезьяны.

XIII в. был временем великих перемен и новшеств в жизни монгольского общества. К числу важнейших культурных инноваций этого века следует отнести принятие монголами нового календаря – двенадцатилетнего звериного цикла, заимствованного, скорее всего, у уйгуров. Здесь необходимо отметить, что археологические находки в Сибири свидетельствуют, что местное население было знакомо с этим типом календаря гораздо раньше – в железном веке [5. С. 619]. Официально этот календарь был введен в Монголии в 1210 г. [6. С. 128]. Год обезьяны в нем присутствовал под термином *бичин*. Однако его появление в календаре не имеет надежного лингвистического обоснования. Исследования в области тюркской и монгольской лингвистики выдвигают предположения о:

1) заимствовании тюркского слова *бичин* из согдийского, персидского языков (G.J. Ramstedt, И. Галеви, Р. Pelliot), греческого (B. Laufer, Н. Eren), иранского (G. Doerfer) и индоевропейского (J. Clauson) [7. С. 128–129];

2) заимствовании его из монгольского (G. Ligety) [Там же], в котором слово «обезьяна» *mešin* может восходить к праалтайскому состоянию;

3) отражении в слове *bešin* бродячего корня, судя по обозначению обезьяны в индоевропейском и семитском языках (Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо и др.) [4. С. 168].

Таким образом, дискуссия о появлении года обезьяны в 12-летнем животном календаре все еще не завершена.

Мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой существовало несколько центров появления календаря этого типа [8. С. 17]. И одним из таких центров, очевидно, была Внутренняя Азия.

Пользуясь доступными сведениями, зафиксированными в период с XVIII по XIX в., определим, у каких народов монгольского, и шире – тюрко-монгольского, мира в двенадцатилетнем календаре присутствуют вместо обезьяны Плеяды. Согласно сведениям М. Татаринова, полученным в XVIII в. (работа датируется 1765 г.), в бурятском варианте тюрко-монгольского двенадцатилетнего календаря «выделяется год мышин – созвездие или пиад» [9. С. 274]. У закаменских бурят также вместо *бичин* – «обезьяна» присутствуют Плеяды. М.Н. Хангалов в своем списке лет двенадцатилетнего цикла указывает Плеяды / Мишид у западных / предбайкальских бурят и отмечает празднование нового года у группы унгинских бурят со времени появления на небе этого созвездия [10. С. 367].

Следует учитывать, что не все этнические группы предбайкальских бурят восприняли двенадцатилетний календарь. Н.Б. Дашиева указывает, что только «часть западных бурят пользовалась календарем китайского образца 12-летнего животного цикла» [11. С. 89]. Полагаем, что значительную часть западных бурят, незнакомых с этим типом календаря, составляли этнические группы, преимущественно расселенные в кудинских, верхоленских и приольхонских степях (шоно, буура, ашибагат, хуасай и др.). Материалы М.Н. Хангалова были собраны преимущественно среди балаганских и идинских бурят. Значительный процент в среде этих двух этнотерриториальных групп бурят составляет булагатское объединение *обогони олон*, а также племена *буин* и *абзай*, имеющие древнеуйгурское происхождение.

У юго-западных соседей бурят – «тувинцев юго-восточных районов – *мичин чил* понимается не как год обезьяны, а, как нам объясняли многие собеседники, как год созвездия Плеяд» [12. С. 283]. При этом у западных тувинцев Плеяды носят тюркское название *угер*, а восточные тувинцы называют Плеяды монгольским словом *мечин* [Там же. С. 291].

Этнологи и лингвисты, анализируя происхождение названий года обезьяны в двенадцатилетнем цикле бурятского варианта календаря, предположили схему замещения года Обезьяны годом созвездия Плеяд. По их мнению, замещение произошло в силу созвучия терминов *бичин* и *мичин*. Народы, живущие на северной периферии монгольского мира, скорее всего, не знали о таком существе, как обезьяна. Они могли заменить *бичин* созвучным ему словом *мичин* / *мечин*, значение которого было им хорошо известно (Плеяды) [13. С. 63]. С точки зрения развития языков замещение терминов *бичин* и *мичин* возможно вследствие широко распространенного чередования *б/м* в тюркских и монгольских языках.

Однако более углубленное исследование астрономической и календарной терминологии у тюрков и монголов позволяет предположить, что год созвездия Плеяд мог фиксироваться не только у северных тюрков и монгольских народов. В двенадцатилетнем жи-

вотном календаре народов Центральной Азии, записанном Ф.А. Фиельструпом, у киргизов год обезьяны наравне с *мечин* носит название *маймул* [14. С. 203]. Это название года в варианте *маймун* было известно и узбекам [15. С. 440]. «Маймул» привлекает наше внимание в связи с обозначением созвездия в общем смысле этого слова в шумерском языке MUL.MUL. В аккадском языке это слово означало «шерсть» (на заливке быка). Под быком в данном случае подразумевалось созвездие Тельца [16]. Прообразом созвездия был бык зебувидной породы. В созвездии Тельца звездное скопление Плеяд изображалось в виде семи звезд, окружавших полукругом высокий залив быка и напоминавших торчащую в стороны шерсть. Полагаем, что одно из названий года обезьяны *маймул* в казахском и киргизском вариантах календаря может являть собой реплику шумерского названия Плеяд, хотя, конечно, это предположение требует детального анализа системных отношений и функциональных свойств языковых единиц, выражающих термины астральных объектов, возможности их сопоставления и семантической корреляции.

В случае подтверждения мысли о производности узбекского / киргизского термина *маймун* / *маймул* от шумерского MUL.MUL. географические границы распространения Плеяд в календаре животного цикла расширяются. Если корреляция терминов из языков Месопотамии и Центральной Азии может показаться малоубедительной, то на уровне мифологии связь Плеяд со звездным «Тельцом» обнаруживается в последующем развитии мифологических образов Плеяд на территории Центральной и Внутренней Азии. Эта связь будет представлена ниже в дальнейших исследованиях образа созвездия Плеяд.

Все вышесказанное показывает, что процесс замещения одного понятия другим в двенадцатилетнем календаре имел место и осуществлялся на разных уровнях – лингвистическом, мировоззренческом – на протяжении периода адаптации животного календаря в монгольской империи и, главным образом, в северных частях монгольского мира. Вероятно, что слово *мечин* / *мушэн* в значении «созвездие Плеяд» появилось в монгольских языках давно – в то время, когда большое значение в хозяйственной деятельности жителей Центральной Азии имел звездный, или «плеядный», календарь. Схема этого календаря восходит к хозяйственному охотничье-промысловому календарю таежного населения [11. С. 62].

3. *Мотив борьбы с Плеядами и ее основные участники в мифологии тюрко-монгольского мира.* Значительная часть мифов, связанных с созвездием Плеяд, имеет сходную сюжетную и образную основу и повествует о борьбе домашних животных с неким существом Мечин / Улкер. В результате устанавливается календарная система лета и зимы. Этот сюжет относится в группе архаичных мифов «спора о времени», основными участниками которого выступают разные животные. Сюжет нетривиален, легко заметен и, как никакой другой, позволяет проследить пути древних мигрантов. Центром концентрации евразийских вариантов «спора о времени» является саяно-алтайский регион [2. С. 167].

Главными участниками борьбы с Плеядами выступают лошадь и корова. Безусловно, данные персонажи появляются в мифе на этапе развития такой отрасли производящего хозяйства, как скотоводство, поскольку в более ранних версиях мифа «спорщиками» выступают дикие животные. Лошади и крупный рогатый скот в качестве домашних животных, а не добычи, появляются в хозяйстве населения Центральной Азии в эпоху бронзы. На территории Прибайкалья на границе степной и лесной зон костные останки крупного рогатого скота и лошадей обнаруживаются уже в энеолите [17. С. 147].

Корова не справляется с поставленной целью – уничтожение Мечина / Улкера, так как имеет раздвоенное копыто. Мотив раздвоенного копыта является устойчивым элементом мифа. В дальнейшем развитии мифа меняются персонажи, но раздвоенность копыта, из-за которого созвездия удается избежать расправы, сохраняется. Так, корову иногда замещает верблюд, также обладатель раздвоенной лапы, либо коза. На наш взгляд, это более поздние варианты мифа.

В основной массе мифы тюрко-монгольских народов с участием разных животных в расправе над Плеядами (Мечин, Улкер) сводятся к вине коровы за появление на земле холодного зимнего сезона. В процессе своего развития и «дрейфа» к северу образ коровы как виновницы появления холода на земле преобразуется в образ коровы / быка – властителя зимы и холода. Это образ обнаруживается на северной периферии тюркского мира, в преданиях и легендах якутов. В якутской мифологии олицетворением зимы выступал белый бык с голубыми пятнами. Бык зимы относился к сонму злых духов. С наступлением весны дух зимы отступал, у него поочередно ломались рога, а затем отваливалась и голова. «В ледоход туловище быка зимы плывет вниз по Лене в Ледовитый океан, ледоход уносит души умерших за зиму людей и скота» [18. С. 243].

В другом якутском предании об упорядочении зимнего и летнего периодов бог, выслушав пожелания человека, лошади и быка, следует пожеланию последнего и удлиняет зиму [19. С. 258]. Причина, по которой бог прислушивается именно к быку, не объясняется. Малопонятно и народное объяснение «любви» крупного рогатого скота к холоду: «Ты удлини зиму, у меня в жару нос мокнет» (ответ быка на вопрос божества в якутском мифе); рассерженным животным корова ответила, что лучше ходить на трескучем морозе, чем по жаре; коровы не боятся мороза (казахское предание) [20]. На наш взгляд, здесь налицо адаптация мифологических сюжетов к уже известному, существующему до распространения мифа на север и восток, образу – созвездия Тельца, в котором находится звездное скопление Плеяд.

Это созвездие имело чрезвычайно важное значение в хозяйственном календаре жителей древней Месопотамии [16]. Созвездие Тельца стало известно (т.е. почитаемо) более 5000 лет до н.э. [21]. Локьер, исследуя проблему истоков возникновения представлений человека о созвездиях зодиака и в частности Тельца, связывает формирование его образа с позицией солнца около 3000 лет до н.э. во время весеннего равноденствия в Тельце, в его главной части или самых заметных звездных групп

пах, вероятно, поблизости от Альдебарана [22. Р. 399]. Другим значимым созвездием того же времени был Скорпион, в границах которого солнце находилось во время осеннего равноденствия, как полагает Локьер, недалеко от главной звезды созвездия – Антареса.

С образом этого небесного быка, приносящего прохладу после жаркого сезона и начало целого цикла полевых работ в сельскохозяйственных культурах Передней Азии, связан, вероятно, и широкий ассоциативный ряд негативных явлений, репрезентирующих представления о холоде=смерти / загробном мире и относящихся к крупному рогатому скоту у тюрков и монголов. В мировоззрении тюрков Южной Сибири корова – это животное божества нижнего мира: на синем быке ездит Эрлик, владыка подземного мира; синий бык является духом-хозяином водных источников [23. С. 22–23].

Эта мысль более выражена в представлениях якутов: дарителем душ крупного рогатого скота является божество (*Ынахсын Хотун*), живущее под восточным небом, где небо сходится с землей; злые божества и духи нижнего мира принимали жертвы только рогатым скотом [18. С. 317–318].

В монгольской классификации домашнего скота корова относится к животным с «холодным дыханием» и не является богоугодной жертвой¹. Здесь мы опять сталкиваемся со следами зловещего образа Плеяд как причины природных катаклизмов и других бед, сопутствующих уже образу созвездия Тельца, в котором находятся Плеяды. В Месопотамии, где сложилось амбивалентное отношение к Плеядам, деструктивный, адский аспект созвездия видится в его отождествлении с семьей демонами (Себетту). Этот образ указывает на связь Плеяд с войной. Лоренцо Вердереме предполагает, что в Месопотамии война, как и сельское хозяйство, была сезонной деятельностью, и подъем Плеяд, возможно, считался началом как полевых работ, так и военных кампаний [16. Р. 115].

В среде тюрко-монгольского мира зловещие черты созвездия в геометрической прогрессии распростра-

няются и на весь год Плеяд в 12-летнем календаре. Так, калмыки, буряты, тувинцы разделяли представления, «что в год Мечин бывает большой снег и падеж скота» [12. С. 283].

Примечательно, что животные, кому было дано поручение уничтожить Плеяды, – лошадь и верблюд – (согласно сюжетам разным мифов) в калмыцком мифе могут быть «наказаны» в год Плеяд / обезьяны. Обратимся вновь к сведениям С.Ю. Неклюдова, представленным выше: год обезьяны характеризуется не только климатическими катаклизмами, но и заболеваниями лошадей и верблюдов [24. С. 161].

Исследование корпуса представлений о звездном скоплении Плеяд в культуре кочевников тюрко-монгольского мира позволяет сделать ряд выводов. В устном народном творчестве тюрко-монгольских народов обнаруживается большой пласт вербальных текстов мифологического и религиозного содержания о Плеядах вне их связи с созвездием Тельца. Это свидетельствует о том, что представления о Плеядах распространились в Центральной и Внутренней Азии до того, как сформировался образ небесного Тельца и стал почитаем в древних сельскохозяйственных культурах. Образ созвездия Тельца, частью которого стали восприниматься Плеяды, проникает в среду кочевников позднее и фиксируется в части мифов, основным мотивом которого является «спор о времени»². Созвездие Тельца воплощается в образе домашней коровы, которая, спеша расправиться с Плеядами, становится причиной появления на земле зимнего сезона. Полагаем, что основным ретранслятором мифов о Плеядах становятся тюркские народы, а «коридором» распространения сюжетов – ареалы расселения тюрков, включая якутов. Среди монгольских народов хранителями этого наследия устного народного творчества стали этнические группы в зоне активного взаимодействия с тюрками или имеющие тюркский субстрат в своем этническом составе (главным образом ойраты и буряты).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Появление и развитие оппозиции холодный – горячий также входит в число нерешенных проблем традиционного мировоззрения.

² Мифы цикла «спора о времени» свидетельствуют об актуальности в древности календаря с выделением двух сезонов – теплого и холодного, засушливого и дождливого соответственно разным природным зонам. Маркерами сезонов выступали виды хозяйственной деятельности и связанные с ней разные локусы пространства (у кочевников) либо продукты этой деятельности (у земледельцев). В среде скотоводов ими стали домашние животные. Так, жители древней Месопотамии делили год на два сезона по характеру напитков. Думузи олицетворял ячменное зерно, из которого приготавливают пиво. А Гештинанна, как известно, была богиней вина. Таким образом, можно считать первое полугодие пивным, а второе – винным [25. С. 17–18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Aujoulat N., Cleyet-Merle J.-J., Gaussen J., Tisnerat N. et Valladas H. Approche chronologique de quelques sites ornés paléolithiques du Périgord par datation carbone 14 en spectrométrie de masse par accélérateur de leur mobilier archéologique // Paléo. 1998. № 10. P. 319–323.
2. Березкин Ю.Е. Мифы Старого и Нового света. Из Старого в Новый Свет. URL: <http://www.rulit.me/books/mify-starogo-i-novogo-sveta-iz-starogo-v-novuyj-svet-mify-narodov-mira-read-401889-1.html> (дата обращения 05.12.2016).
3. Дондокова Д.Д. Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 135 с.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. : Наука, 1997. 799 с.
5. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начал XX в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. 838 с.
6. Kotwicz W. O chronologii mongolskiej. 2 // Rocznik Orjentalystyczny. Lwow, 1928. T. 4. P. 152–210.
7. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М. : Наука, 1978. 349 с.
8. Цыбульский В.В. Календари и хронология стран мира. М. : Просвещение, 1982. 128 с.
9. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск : Наука, 1978. 302 с.
10. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Бурят. книг. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.
11. Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука. Вост. лит., 2015. 239 с.
12. Потапов А.П. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 401 с.

13. Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1992. 170 с.
14. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука, 2002. 298 с.
15. Арифханова З.Х. и др. Узбеки / отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимова. М. : Наука, 2011. 688 с.
16. Lorenzo Verderame Pleiades in ancient Mesopotamia // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2016. Vol. 16, № 4. P. 109–117.
17. Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 208 с.
18. Алексеев Н.А. и др. Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. М. : Наука, 2012. 599 с.
19. Алексеев Н.А. Якутские мифы = Саха өс-номохоро / сост. Н.А. Алексеев. Новосибирск : Наука, 2004. 451 с.
20. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. В47. Плеяды и холод. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/114-93.htm> (дата обращения 20.12.2016).
21. Allen R.H. *Star Names: Their Lore and Meaning*. N.Y. : G.E. Stechert, 1899. 600 p.
22. Norman Lockyer J. *The dawn of astronomy a study of the temple worship and mythology of the ancient Egyptians*. London ; Paris ; Melbourne : Cassel and Company limited, 1894. 432 p.
23. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука, 1988. 225 с.
24. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1992. 719 с.
25. Емельянов В.В. Шумерский школьный диалог «Спор лета и зимы» // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. Вып. 9 / под ред. Т.Г. Туманяна, В.В. Маркова. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2015. С. 16–46.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2107 г.

REPRESENTATIONS ABOUT THE COLD AND WARM SEASONS IN THE MYTHOLOGY OF MONGOLIAN AND TURKIC PEOPLES, AND THE ROLE OF ASTRAL OBJECTS IN THE FORMATION OF THE CALENDAR SYSTEM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 166–171.

DOI: 10.17223/15617793/422/24

Marina M. Sodnompilova, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: sodnompilova@yandex.ru; nanzatov@yandex.ru

Bair Z. Nanzatov, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: nanzatov@yandex.ru

Keywords: Mongolian peoples; astronomic knowledge; myth; calendar system; lexis; ancient migration.

The article deals with the study of the significance of the Pleiades star cluster known to humankind from the very ancient times in the calendar system of the Turkic and Mongolian peoples. The article is based on the materials of the folk art of the Turkic and Mongolian peoples (myths, legends, fairy tales). Materials on the ritual of the hunting and cattle-breeding economic complexes were used. The data of linguistic analysis of the Mongolian, Turkic astral and calendar terminology were involved in the study. The Pleiades star cluster was well known to the peoples of Central and Inner Asia. Ethnographic materials of this vast region show the relevance of the luni-pleiadic calendar for different cultures with a dominant pastoral tradition, a mixed pastoral-hunting and cattle-breeding-agricultural type. In addition, the Pleiades became part of the 12-years cycle animal calendar of the Buryats and Southern Siberian Turkic peoples, determining the uniqueness of these local calendar variants. A significant part of the myths associated with the constellation of the Pleiades has a similar plot and imaginative basis and tells of the struggle of domestic animals with the Pleiades. As a result, a calendar system is established with two periods – winter and summer. This plot refers to a group of archaic myths “dispute over time”. The center of concentration of Eurasian variants of “dispute over time” is the Sayan-Altai region. The main participants of “dispute over time” in the Turkic-Mongolian myths are domestic animals. The initial characters are a horse and a cow. These characters allow us to correlate an approximate dating of myth distribution with the development of cattle breeding in Central and Inner Asia. The image of a cow as the reason for the coming of winter in the region attracts particular attention in myths. The origins of this image are associated with the constellation of Taurus, which became revered in the ancient agricultural cultures of Eurasia more than 5000 years BC. An important part of this constellation and the initial stellar mark were the Pleiades. This star group, along with the other – the Hyades, was associated with the onset of the cool season and rains in the Mediterranean, Mesopotamia and Near East. The authors believe that the main relay of myths about the Pleiades are the Turkic peoples, and the “corridor” for the distribution of plots is the areas of the Turkic peoples, including the Yakuts. Ethnic groups in the zone of active interaction with the Turkic peoples or having a Turkic substratum in their ethnic composition became the custodians of this heritage of oral folk art among the Mongolian peoples, mainly Oirats and Buryats.

REFERENCES

1. Aujoulat, N. et al. (1998) Approche chronologique de quelques sites ornés paléolithiques du Périgord par datation carbone 14 en spectrométrie de masse par accélérateur de leur mobilier archéologique [A chronological approach to some Palaeolithic ornate sites in the Périgord by carbon 14 dating in mass spectrometry by accelerating their archaeological fitting]. *Paléo*. 10, pp. 319–323.
2. Berezkin, Yu.E. (2009) *Mify: Starogo i Novogo sveta. Iz Starogo v Novyy Svet* [Myths of the Old and New Worlds. From the Old to the New World]. [Online] Available from: <http://www.rulit.me/books/mify-starogo-i-novogo-sveta-iz-starogo-v-novyy-svet-mify-narodov-mira-read-401889-1.html>.
3. Dondokova, D.D. (2003) *Leksika dukhovnoy kul'tury buryat* [Vocabulary of Buryat spiritual culture]. Ulan-Ude: BSC.
4. Tenishev, E.R. (1997) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexis]. Moscow: Nauka.
5. Ivanov, S.V. (1954) *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX - nachal XX v.* [Materials on the fine arts of the peoples of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow-Leningrad: USSR AS.
6. Kotwicz, W. (1928) O chronologii mongolskiej. 2 [About mongolian chronology]. In: *Rocznik Orientalystyczny* [Oriental yearbook]. Vol. 4. Lwow.
7. Sevortyan, E.V. (1978) *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov: obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na bukvu "B"* [Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases on the letter “B”]. Moscow: Nauka.
8. Tsybul'skiy, V.V. (1982) *Kalendari i khronologiya stran mira* [Calendars and chronology of the countries of the world]. Moscow: Prosveshchenie.

9. Budaev, Ts.B. (1978) *Leksika buryatskikh dialektov v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Vocabulary of Buryat dialects in comparative-historical coverage]. Novosibirsk: Nauka.
10. Khangalov, M.N. (1960) *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryat. kn.izd-vo.
11. Dashiyeva, N.B. (2015) *Kalendar' v traditsionnoy kul'ture buryat* [Calendar in the traditional culture of the Buryats]. 2nd edition. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura.
12. Potapov, A.P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the people's life of the Tuvinians]. Moscow: Nauka.
13. Galdanova, G.R. (1992) *Zakamenskiye buryaty. Istoriko-etnograficheskiye ocherki. (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Zakamensk Buryats. Historical and ethnographic essays. (The second half of the 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
14. Fiyel'strup, F.A. (2002) *Iz obryadovoy zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the ritual life of the Kirghiz of the early twentieth century]. Moscow: Nauka.
15. Arifkhanova, Z.Kh. (2011) *Uzbeki* [The Uzbeks]. Moscow: Nauka.
16. Verderame, Lorenzo (2016). Pleiades in ancient Mesopotamia. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 16:4. pp. 109–117.
17. Aseyev, I.V. (2003) *Yugo-Vostochnaya Sibir' v epokhu kamnya i metalla* [South-Eastern Siberia in the stone and metal age]. Novosibirsk: Institute of archaeology and ethnography SB RAS.
18. Alekseev, N.A. (2012) *Yakuty (Sakha)* [The Yakuts (Sakhas)]. Moscow: Nauka.
19. Alekseev, N.A. (2004) *Yakutskiyemy mify = Sakha os-nomokhtoro* [The Yakut Myths]. Novosibirsk: Nauka.
20. Berezkin, Yu.E. & Duvakin, E.N. (c. 2016) *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskyy katalog. B47. Pleyady i kholod* [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs by area. Analytical catalog. B47. The Pleiades and cold]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/114-93.htm>.
21. Allen, R.H. (1899) *Star Names: Their Lore and Meaning*. New York: G.E. Stechert.
22. Lockyer, Norman J. (1894) *The dawn of astronomy a study of the temple worship and mythology of the ancient Egyptians*. London; Paris; Melbourne: Cassel and Company limited.
23. L'vova, E.L., Oktyabr'skaya, I.V., Sagalayev, A.M. & Usmanova, M.S. (1988) *Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [Traditional worldview of the Turks. Space and time. World of things]. Novosibirsk: Nauka.
24. Tokarev, S.A. (ed.) (1992) *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
25. Yemel'yanov, V.V. (2015) The Sumerian school dialogue “disputation of summer and winter”. *Asiatica*. 9. pp. 16-46. (In Russian).

Received: 28 June 2107